

Светлана СИНИЦКАЯ

НЕПОСТИЖИМАЯ СУДЬБА



Ничего личного, только бизнес. Мы успели свыкнуться с цинизмом этого лексического нововедла, хотя если задуматься... Может ли хирург, спасающий малыша, делать операцию с «холодным носом»? Ученый, готовый сутки проводить в лаборатории, чтобы убедиться в успехе важного эксперимента? Мастер-краснодеревщик, долгими часами вырезающий виноградную кисть на створке комода? Снятый фильм, написанная книга – вот я и приблизилась к тому, о ком дальше пойдет речь.

К Игорю Гонопольскому, режиссеру-документалисту более 300 кинолент, обладателю множества наград. Повод более чем очевидный. Недавно увидел свет его сборник «Эйзенштейн в Алма-Ате 1941–1944», уникальное издание, напечатанное небольшим тиражом и на деньги автора. Заметьте,

не собственные вирши или автобиографический экскурс, гордыни ради, в дар родне и друзьям. Случай, когда другая судьба перетекает в личную, становится неотъемлемой ее частью, и очевидно, что даже фактор времени неважен. Земной путь создателя «Броненосца Потемкина», «Александра Невского» и других шедевров киноэкрана закончился за год до появления на свет Игоря Гонопольского, который сегодня уже старше великого Мастера на четверть века. Да и само время, откуда нам знать, что собой представляет, если над его загадкой напрасно бьются физики и философы! Потому и случается нередко, что ушедшие нам ближе и важнее иных современников. А в этом случае, как говорится, сам Бог велел. Когда сошлись и цеховая солидарность, и география, и даты...

Алматинцем Сергей Эйзенштейн стал на три неполных года, возглавив в качестве художественного руководителя Центральную объединенную киностудию (ЦОКС), сложившуюся в эвакуации из «Мосфильма» и «Ленфильма», ведущих киностудий Советского Союза, и образованной в сентябре 1941 года Алма-Атинской киностудии. Но главной его задачей была работа над второй серией «Ивана Грозного», которая в 1958 году будет показана на Всемирном кинофестивале в Брюсселе и возглавит список дюжины лучших фильмов всех времен и народов. Эйзена, как его называли друзья и коллеги, уже десять лет не будет на этом свете, и как знать, может быть, на том его душа ощутила прилив гордости и возрадовалась победе справедливости, порушенной гневом «отца народов». За первую серию «Ивана Грозного» режиссер был всячески обласкан высоким ареопагом и награжден Сталинской премией первой степени. На Международном кинофестивале в Локарно в 1946 году картина возьмет приз за лучшую операторскую работу Эдуарда Тиссе и Андрея Москвина. В 1990 году лента станет участницей в программе «Retrospective» Берлинского международного кинофестиваля.

Вторая же серия «Грозного» вызовет столь сильный гнев вождя, по его разумению, оскорбительной трактовкой образа царя и его верных слуг опричников, что Эйзенштейну велят сворачивать съемки. А он-то на свой страх и риск уже успел снять роскошный кусок третьей. Подспудно тлело в Сталине раздражение против главного кинотворца эпохи, несколькими годами ранее он высказался, как припечатал, что «Эйзенштейн – дезертир, отщепенец. Его имя будет забыто советским народом». Это когда вместе с другим культовым режиссером Григорием Александровым и оператором Эдуардом Тиссе они дольше отпущен-

ного задержались в американской командировке. Эйзенштейн окажется в опале, которую не смягчит даже смерть. Похороны пройдут не по ранжиру, положенному персоне такого уровня. Эх, если бы и предсказание Вольфа Мессинга оказалось таким же пустым, как у «лучшего друга физкультурников». Но нет, пророк попал в самую точку, обозначив финишем Эйзена 50 лет.

Зато его слава будет мощно год от года набирать разбег. Впрочем, в остальном мире ее хватало с первых работ режиссера. Они, что называется, били под дых и публику, и профессиональных киноведов. Прием «эмоциональных качелей», когда благостный кадр сменяется взрывным, держал зрителя в напряжении. Эйзен придавал огромное значение монтажу. Его упрекали в рваном ритме сюжета, хотя именно таким контрапунктом достигался максимальный эффект воздействия на зрительское восприятие.

Фильм «Эйзенштейн в Алма-Ате 1941–1944» Игоря Гонопольского в содружестве с Леонидом Гуревичем, российским сценаристом и драматургом неигрового кино, вышел в 1998 году, к столетию со дня его рождения и половине века, отделившей от кончины. Успели аккуратно к кинофестивалю «Евразия», собравшему тогда в Алматы множество звезд экрана первой величины, в том числе и тех, кто снимался во времена ЦОКС. Был показан на фестивале и «Иван Грозный» без сокращений и купюр.

«Жить надо плотнее», – настаивал Эйзен, сделав это правило своим повседневным кредо. Жить и снимать имели для него тождественные смыслы. Пожалуй, жесткий наказ сработал и для создателей ленты о нем. С первых кадров перед нами не замершее степное полотно, а пространство, рассекаемое неумным конем. Всадник коню-бесу под стать, такого не сбросишь в ковыли, не затопчешь копытами. Хотя он и сам не знает, «куда загонимся и не впусую ли скачем?». Так ведь только графоманам не отпущена роскошь сомнения...

Фильм вышел и сразу оказался на Открытом фестивале неигрового кино «Россия», проходившем в Екатеринбурге. Именно там прозвучало, многожды, потом на разные лады повторяясь, что картина «удивительна, потому что, во-первых, дает ощущение живого человека, а главное, ощущение истинной сложности этого человека. Эта сложность даже пугает, потому что мы видим, что в великом человеке есть что-то сверхчеловеческое... Режиссер картины нашел очень эмоциональный, тревожный сквозной символ – горящий красным огнем светофор и словно защелкивающиеся, как наручники, смыкающиеся рельсы, когда переводят стрелки».

Почти три десятилетия, минувшие со дня выхода картины Игоря Гонопольского, стрелки, к счастью, не перевели. Эйзенштейн ушел из жизни 11 февраля 1948-го, и ровно через 75 лет, в 2023-м, возник достойный повод пригласить в Москву казахстанского режиссера с фильмом об алматинском периоде жизни Эйзенштейна. С благородной инициативой вышла на Гонопольского Третьяковская галерея, в кинозале которой и состоялся показ документальной ленты.

Как раз в это время Игорь разворачивал работу над второй серией фильма. С полным правом могу так назвать книгу с одноименным названием. Всё начиналось вскоре после выхода документальной ленты, на московской кухне, где режиссер и сценарист вдохновятся общей идеей. Тем самым золотым зернышком замысла, из которого прорастет будущая книга. Дело в том, что за 72 мину-



тами экранного времени оставалось огромное богатство архивных фото-, аудио- и текстовых материалов. Свидетельств современников о творчестве знаменитого кинохудожника, официальных документов, личных писем... Драгоценной хроники его жизни, уместившейся на 270-тистраничной, отлично иллюстрированной книге. Один из авторов ее не дождался. Леонид Гуревич, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, ушел из жизни в 2001 году, и, по сути, всю главную работу над изданием взял на себя его младший друг Игорь Гонопольский.

Книга предполагает внимательное и неспешное чтение, дает возможность проникнуться «духом и буквой» уникальной личности. А также узнать подробности съемок легендарной ленты под аббревиатурой ИГ (Иван Грозный). Кстати, для Игоря Гонопольского, чьи инициалы ровно такие же, это совпадение выглядит особым знаком. Хоть в шутку, хоть всерьез. Натурные съемки «взятия Казани» проходили в Каскелене, пригороде Алма-Аты, где соорудили декорации древней татарской столицы. Из-за дефицита фанеры пришлось обойтись матами из чия, кустарника. Их штукатурили, сушили и складывали в подобие стен казанской крепости. Стены потом украшали полотнищами знамен, развевавшихся на ветру, и всё выглядело очень убедительно и эффектно. Во время съемок случилось настоящее ЧП. Девочка-пиротехник, производя первый выстрел из пушки, так прицелилась, что гильза пролетела буквально над головой режиссера.

С первой и до последней страницы книга захватывает невозможностью оторваться от чтения. Не покидает ощущение, что зрительный ряд с киноэкрана переместился на бумажные страницы. Настоящая магия живого присутствия и главного героя, и тех, кто был рядом. Будто бы слышишь голоса его женщин, вспоминая при этом пастернаковскую строчку «Любить иных – тяжелый крест...» Во время посещения московской квартиры режиссера, куда привел Наум Клейман, советский и российский киновед, историк кино и специалист по творчеству Эйзенштейна, среди бережно сохраняемых вещей, многотомной библиотеки Игорь увидел записку Пэры Аташевой, жены Сергея Михайловича, с просьбой о разводе. И с резолюцией: «Никогда и ни за что». Хотя их многолетний брак был по сути гостевым. Пэра пережила мужа на семнадцать лет и до конца дней приводила в порядок, систематизировала материалы его огромного архива. Жизнь с гением – испытание не из легких. Ему тесно даже в собственной физической оболочке, и уход из земного мира становится прорывом в вечность. Профессионалы киноискусства едины: личность Эйзенштейна – как айсберг, год за годом поднимающийся из глубины океана эпох. Его творческие методы сегодня проявляются в самых, казалось бы, суперсовременных приемах искусства и масскультулы. Вплоть до смайликов в мессенджерах, отсылающих к рисункам и карандашным наброскам режиссера-легенды. К «тиктоковским» кратким стреляющим сюжетам. Они давно и прочно взяты на вооружение Голливудом.

«Эта книга – большой подарок для всех, кто любит искусство кино», – так оценила сборник Ольга Батурина, кандидат искусствоведения, член Союза художников Казахстана. Добавим, что подарок и самому себе – заслуженному деятелю РК, лауреату всесоюзных и международных кинофестивалей, академику Евразийской академии кино и ТВ и Академии художеств РК, который он сделал к своему недавнему 75-летнему юбилею. Издание трогательно открывает посвящение самым дорогим людям – родителям, любимой жене, рано ушедшей из жизни, учителю и другу Леониду Гуревичу.

Фраза из дневника Эйзенштейна: «При удаче у меня всегда ощущение, что я ловко утащил шапку, полную вишен, или сочное яблоко из чужого сада». Теперь все эти дары достались нам, благодаря творческим удачам автора фильма и книги Игоря Гонопольского.